

А.О. Лебедев

аспирант кафедры
конституционного
и муниципального
права факультета
права Научного
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»

В поисках начала российской науки конституционного права

В статье рассмотрены условия возникновения отечественной науки конституционного права, дан краткий обзор литературы по данной теме, приведены некоторые соображения методологического характера. Автор приходит к выводу, что условия, необходимые для выделения конституционно-правового направления мысли в отдельную научную дисциплину: автономия научного сообщества, развитие сети научных коммуникаций, накопление определенной «критической массы» юристов-исследователей и т.д., — сформировались в России не ранее второй половины XIX в.

Ключевые слова: российская наука конституционного права, исторический аспект, общий и национальный компоненты науки, дореволюционные ученые-юристы.

1. Степень разработанности исторического направления отечественной конституционно-правовой науки

В российской юриспруденции дореволюционного периода историческому аспекту развития науки конституционного (государственного)¹ права не уделялось особого внимания в силу объективных причин: наука была еще слишком молода, она только становилась, обособлялась от прочих направлений юридической мысли. Однако в учебной литературе по государственному праву в конце XIX — начале XX в. появляются отдельные параграфы, посвященные науке государственного права, в том числе и российской. В 1911 г. В.М. Гессен публикует статью, посвященную истории науки государственного права².

Примечательно, что серьезных исследований, в которых предметом изучения является сама наука конституционного права (условия ее появления и особенности развития, критерии периодизации и систематизации конституционно-правового

¹ Для целей данной статьи понятия «конституционное право» и «государственное право» используется как синонимы.

² См.: Гессен В.М. Очерки истории науки государственного права // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. 1911. Т. 16.

знания, ее источниковедческая база и методологический аппарат и пр.), не так много. Данные вопросы не пользовались особой популярностью как в советское время, так и сейчас. Отчасти это обусловлено сложной исторической судьбой науки государственного права, да и юридической науки вообще. В советское время возможности для исследования работ дореволюционных юристов были ограничены, а получаемые в ходе этих исследований выводы оказывались зажатými в тисках марксистско-ленинской диалектики как «всепообеждающего», «универсального», «подлинно научного» (эпитеты можно продолжить) метода познания действительности. На этом фоне шагом вперед стала монография Н.Я. Куприца³.

Осмыслению советской науки государственного права в ее историческом развитии уделялось больше внимания, однако и здесь подробные исследования появились лишь на закате советской эпохи. Обращают на себя внимание монографии того же Н.Я. Куприца, для которого историческое развитие отечественной науки государственного права являлось магистральным направлением научного поиска, а также Н.А. Богдановой⁴. В то же время в советский период увидели свет основательные труды, посвященных науке государственного права «буржуазных» стран, в которых рассматривались, среди прочего, вопросы исторического развития данной науки. Следует отметить монографию И.Д. Левина и вышедшую опять-таки в последние годы советской власти коллективную монографию под редакцией В.А. Туманова⁵. Отчасти вопросы исторического развития «буржуазной» науки государственного права рассматривались в кандидатской диссертации Г.Н. Андреевой⁶.

Несмотря на то что в постсоветский период развития конституционно-правовой науки препоны идеологического характера были сняты, стали более доступны для изучения труды дореволюционных авторов, интерес исследователей к данной тематике оживился лишь отчасти. Среди монографических работ следует обратить внимание на диссертацию (и, соответственно, одноименную монографию) Н.А. Богдановой⁷. Сравнительно недавно была защищена кандидатская диссертация А.Б. Дидикина⁸. Отдельные главы, посвященные дореволюционной науке государственного права, имеются в монографиях Ю.Л. Шульженко и В.А. Томсинова⁹.

³ См.: Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. М., 1980.

⁴ См.: Куприц Н.Я. Из истории науки советского государственного права. М., 1971; Богданова Н.А. Наука советского государственного права: историко-теоретическое исследование. М., 1989.

⁵ См.: Левин И.Д. Буржуазная наука государственного права. М., 1960; Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Буржуазная наука государственного права / Отв. ред. В.А. Туманов. М., 1987.

⁶ См.: Андреева Г.Н. Советская наука государственного права буржуазных стран (1917–1936 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

⁷ См.: Богданова Н.А. Система науки конституционного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

⁸ См.: Дидикин А.Б. Становление и развитие конституционного права России как отраслевой юридической науки: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; *Его же*. История конституционализма в России: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск, 2009.

⁹ См.: Шульженко Ю.Л. Очерк российского конституционализма монархического периода. М., 2008; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010.

Причины вялого интереса к историческому развитию конституционно-правового знания видятся преимущественно в ориентации современной науки, в том числе и диссертационных работ, на анализ и комментирование позитивного права¹⁰. Исследования, в которых предметом изучения становится сама наука конституционного права, не перспективны с «рыночной» точки зрения, требуют от правоведов значительных временных затрат и интеллектуальных усилий.

2. Некоторые методологические замечания

Анализ исторического пути отечественной конституционно-правовой науки логично предварить рассмотрением вопроса о периодизации ее развития. Двадцать лет назад Н.А. Богданова писала о трех наиболее распространенных критериях периодизации развития науки советского государственного права: «основные этапы развития Советского государства и общества; периоды развития законодательства; особенности развития самой науки, история которой подвергается периодизации». При этом, как отмечала автор, «первые два основания имеют в значительной мере характер внешних социально-политических факторов», в то время как последний критерий «заложен в самой науке, отражает внутренние аспекты ее содержания, представленного в исторической динамике». Этот критерий (ученый его обозначает как «фактическое состояние науки советского государственного права») является основным, два первых лишь «следует учитывать»¹¹. Соответственно, периоды в развитии науки советского государственного права отличаются «качественными параметрами накопленного государственно-правового знания, на формировании и содержании которого отразились соответствующие времени объективные и субъективные факторы»¹².

Позицию Н.А. Богдановой поддерживает и А.Б. Дидикин: «Несмотря на то что внешние социально-исторические факторы являются необходимым условием любых качественных изменений в науке конституционного права, специфика и возможность таких изменений обусловлена действием, прежде всего, внутринаучных факторов, к числу которых относятся изменения в научных представлениях об *объективности* юридического познания, т.е. изменения в *теоретико-методологических основаниях конституционно-правовой науки*»¹³ (курсив наш. — А.Л.).

Действительно, попытка установить прямую взаимосвязь или, тем более, прямо обусловить развитие науки конституционного права развитием конституционного законодательства, на наш взгляд, ошибочна, типична для позитивистской традиции правопонимания со свойственным ей отождествлением права и закона. Конечно, юристы изучают, комментируют, критикуют действующую конституцию. Ее содержание, безусловно, оказывает сильное влияние на развитие науки консти-

¹⁰ Мы не беремся судить о степени разработанности исторических направлений в других отраслевых юридических науках, однако примечательно мнение В.А. Белова, который, применительно к науке гражданского права, заметил: «Истории дореволюционной цивилистической науки к настоящему моменту, по сути, еще не написано». См.: *Белов В.А.* Вводная статья // Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. М., 2009. С. 11.

¹¹ См.: *Богданова Н.А.* Наука советского государственного права. М., 1989. С. 22, 23.

¹² Там же. С. 25.

¹³ *Дидикин А.Б.* История конституционализма в России. С. 15.

туционного права в конкретной стране. Однако это не дает оснований напрямую связывать развитие науки с развитием законодательства.

Понятно, что в советское время в силу идеологических причин «буржуазное» государственное право противопоставлялось советскому государственному праву, и, соответственно, не могла идти речь о единой науке государственного права. Как следствие, в интерпретации Н.А. Богдановой наука советского государственного права занимается только государственно-правовым развитием собственно Союза ССР и не включает труды советских исследователей о государственно-правовом развитии «буржуазных» государств.

Проблема заключается в том, что замкнутость науки государственного права на конкретном государстве часто вольно или невольно ведет к *отождествлению развития науки конституционного права с развитием конституционного законодательства*. В связи с этим проявляется некоторая непоследовательность в позиции Н.А. Богдановой. С одной стороны, автор при решении вопроса о периодизации развития науки справедливо ставит во главу угла «фактическое состояние науки советского государственного права», отводя развитию советского законодательства лишь вспомогательную роль. С другой стороны, в тексте работы прослеживается иная линия, в соответствии с которой *законодательство начинает детерминировать развитие науки государственного права*. Применительно к Конституции СССР 1936 г. Н.А. Богданова пишет, что она «предопределила тематику государственно-правовых исследований», являлась «правовой основой науки»¹⁴. Государственно-правовая мысль в ее становлении и развитии отождествляется автором с развитием знания о государственном праве *как отрасли советского права*¹⁵. Если дальше развить эту мысль, то можно прямо прийти к позитивистскому выводу о предопределении государственного права как отрасли советского права советским законодательством.

Конечно, юридическая наука изучает правовые нормы. Соответственно, наука конституционного права немыслима без конституционно-правовых норм, так как в случае их отсутствия наука оказывается беспредметной. Но при этом принципиально важно, что для ученого привязка конституционно-правовых норм к той или иной стране не имеет решающего значения. Это следует понимать не в том смысле, что конституционно-правовые нормы и институты отрываются от специфического культурного и мировоззренческого контекста, в котором они формировались. Как сегодня осознано многими исследователями, «культура имеет значение»¹⁶. Это означает, что даже в стране, в которой нет конституционно-правового регулирования, т.е. не наложены правовые ограничения на функционирование публичной власти, можно заниматься наукой конституционного права, но на материале стран, в которых конституционно-правовое регулирование осуществляется и развивается.

С этих позиций понятие «российская наука конституционного права» не означает наличия какого-либо уникального российского конституционного права (и соответствующей уникальной российской конституционно-правовой науки). По сути, речь может идти лишь о науке конституционного права *в России*, в рамках которой происходит изучение отечественными специалистами универсальной

¹⁴ Богданова Н.А. Наука советского государственного права. С. 30, 32.

¹⁵ См.: Там же. С. 38.

¹⁶ См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002; Харрисон Л. Кто процветает? М., 2008 и др.

(хотя бы по некоторым базовым параметрам) конституционно-правовой материи (общий компонент науки конституционного права). На основании этого осуществляется анализ российской конституционной модели и практики ее реализации (национальный компонент науки конституционного права).

Общий компонент науки конституционного права, таким образом, сориентирован на универсальные способы ограничения публичной власти и защиты прав и свобод человека. Это достигается прежде всего путем описания и анализа конституционно-правового регулирования в наиболее развитых в правовом отношении государствах современности.

Однако в России так сложилось, что данный компонент науки конституционного права развивается, как правило, конституционалистами-зарубежниками, занимающимися изучением конституционного опыта государств Западной Европы и Северной Америки, а также специалистами либерального толка по общей теории права и государства. В то же время национальный (собственно российский) компонент науки конституционного права существует несколько обособленно и, как правило, ориентирован на легистский анализ отечественного конституционного законодательства¹⁷. Подобное положение дел обусловлено, видимо, обособленным существованием советского государственного права и буржуазного государственного права (и соответствующих им наук), которые долгое время рассматривались в антагонистическом ключе¹⁸. Коррозия советского идейного наследия постепенно, думается, разъедает и данный подход.

Представляется более целесообразным и методологически корректным в понятие «российская наука конституционного права» включать оба указанных компонента (части, раздела) — общий и национальный (условно можно назвать его особенный, российский)¹⁹.

Итак, как следствие, мы считаем, что *возникновение и развитие науки конституционного права напрямую не связано с наличием конституционных границ публичной власти в конкретной стране*. В конце концов, Российская империя до 1905 г. не имела конституционно-правового развития, но это не означает, что не было тру-

¹⁷ То, что у нас традиционно называется российской наукой конституционного права, в до-революционной России относилось, как правило, к так называемому положительному государственному праву. В.В. Ивановский писал: «Положительное государственное право имеет своей задачей изучение какого-либо данного государства. Так как эта организация формулируется в законодательстве, то и для ее изучения необходимо прежде всего изучение положительного законодательства данной страны». Справедливо отмечая, что сама по себе «индивидуальность не может служить предметом науки», он утверждал: «Однако принятие положительного государственного права за особую науку должно быть только условным... положительное государственное право не есть наука в истинном смысле этого слова, но есть совокупность обработанного законодательного материала, без которого не мыслима и общая наука о государстве». См.: *Ивановский В.В.* Русское государственное право. Т. 1. Казань, 1895. С. 4, 5.

¹⁸ Следует отметить, что в советское время была выдвинута весьма необычная для этого периода теория о единой науке советского конституционного права, которая в качестве своих разделов включала не только советское конституционное право и конституционное право социалистических стран, но и конституционное право развитых буржуазных государств и стран, освободившихся от колониальной зависимости (Советское конституционное право / Под ред. С.И. Русиновой и В.А. Рянжина. Л., 1975. С. 21). См. подр.: *Богданова Н.А.* Система науки конституционного права. С. 54, 55.

¹⁹ Что не исключает возможности выделения и, условно скажем, специального компонента (части, раздела) российской науки конституционного права, в рамках которого будут аккумулироваться и развиваться знания о конституционно-правовом устройстве отдельных государств.

дов российских исследователей, развивающих доктрину конституционного права. Другое дело, что эта доктрина преимущественно развивалась на основе конституционного опыта ведущих западноевропейских государств.

Следует также помнить, что *конституция и сопутствующее ей регулирование могут иметь фиктивный характер*, служить фасадом, прикрывающим глубоко авторитарную сущность публично-властных институтов. Здесь мы сталкиваемся с проблемой другой рода: тоталитарные режимы за минувшие сто лет достигли больших успехов в деле имитации конституционно-правовых институтов развитых в правовом отношении государств. Советские конституции закрепляли широкий перечень прав и свобод, регулировали вопросы осуществления публичной власти, но реального регулятивного значения не имели и никоим образом не ограждали человека от всепильного репрессивного аппарата.

Какие же факторы обуславливают возникновение науки конституционного права? Полвека назад И.Д. Левин писал: «Для того чтобы наука государственно-го права как юридическая наука возникла и устоялась, необходимо было, чтобы правовое регулирование форм и способов осуществления власти в государстве, т.е. структуры, образования и деятельности органов государства (что составляет значительную часть его содержания, хотя и не исчерпывает его), достигло известного развития, чтобы сложилась более или менее значительная система правовых норм, регулирующих эту сферу отношений, чтобы возникли в связи с этим на практике вопросы, требующие *юридически* (курсив наш. — А.Л.) обоснованного разрешения, а не просто решения по произволу того или иного лица, обладающего достаточной фактической властью для принятия решения и проведения его в жизнь»²⁰. Правда, этого недостаточно и «для развития науки государственного права как *самостоятельной* юридической науки... необходимо было к тому же еще осознание особых черт правового регулирования данных отношений, обусловленных специфическим характером предмета регулирования»²¹. Однако И.Д. Левин, зажатый идеологическими тисками, сводил эти особые черты к «классовой функции».

Конечно, становление того или иного общества на путь правового развития дает толчок юридическим исследованиям, так как возникает потребность в теоретическом осмыслении этого движения, его путей и средств²². Но сводить становление науки конституционного права (и науки права вообще) лишь к этому было бы непозволительным упрощением. Для развития науки нужна определенная *инфраструктура, сеть научных коммуникаций, институты накопления и передачи знания* (университеты, научные общества, журналы и прочие элементы профессионализации юридического знания), а также *наличие определенной «критической массы» юристов-исследователей*, для чего необходимо опять-таки *развитие юридического образования*²³.

²⁰ Левин И.Д. Буржуазная наука государственного права. С. 9.

²¹ Там же.

²² Роджер Смит отмечает: «Юриспруденция, а впоследствии и социальные науки в качестве академических дисциплин развивались как неотъемлемая часть практического регулирования общественных отношений. В силу этого данные дисциплины были нацелены на две (иногда противоположные) идеи сразу: быть систематическими и, следовательно, — научными, и быть практическими и, следовательно, применимыми в конкретных случаях». См.: Смит Р. История гуманитарных наук. М., 2008. С. 61.

²³ И.Л. Честнов пишет: «Наука — это систематическое воспроизводство знаний. Но она не может быть воспроизведена только к знаниям, а представляет собой еще и социальный институт,

Можно перечислять и другие необходимые условия, но они пока не дают ответа на поставленный вопрос о возможности существования науки конституционного права в дореволюционной России и в советское время. Ключевой, на наш взгляд, в данной ситуации является проблема, насколько в странах, не имеющих конституционных границ властвования, можно изучать конституционный опыт других государств и давать ему беспристрастные оценки. Вследствие чего важнейшей предпосылкой для развития юридической науки является возможность *ведения свободной дискуссии о конституционно-правовом развитии* в принципе, т.е. возможность говорить, писать и иным образом распространять точки зрения, отличающиеся от официально заданных (если такие имеются). Сюда же примыкает возможность общения с иностранными коллегами, обучения в зарубежных университетах и пр.

Указанная возможность ведения свободной научной дискуссии обуславливается определенной степенью *автономии научного сообщества* от политической власти. Одной из характерных черт тоталитарных политических режимов является попытка «полного погружения» личности в систему властеотношений, минимизация сфер, не опосредуемых публичной властью, и, таким образом, обеспечение тотального контроля над личностью. Применительно к научной среде это означало, что ученый может заниматься только одобряемыми направлениями исследований. И если в дореволюционной России правовед мог подать в отставку с университетской кафедры и заниматься научными разработками в частном порядке, мог уехать и вести научную деятельность за границей, как делали, например, М.М. Ковалевский и П.Г. Виноградов, то в советский период такой возможности не было²⁴.

3. Становление отечественной науки конституционного права во второй половине XIX века

Рассмотрим условия возникновения науки конституционного права применительно к российской дореволюционной юридической науке. Переходя непосредственно к данному вопросу, мы сталкиваемся с тем, что невозможно назвать точную дату возникновения российской науки конституционного права. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, нет (и вряд ли будет) окончательной ясности в вопросе о том, что представляет собой юриспруденция как социальная наука. Это та сфера, в которой невозможно выработать итоговое решение. Соответственно, если мы не можем исчерпывающе обосновать, что есть российская наука конституционного права, мы не в состоянии вынести строгое суждение касательно времени ее

аккумулирующий потребности общества в определенном рода знаниях, систему научных учреждений, научное сообщество, систему трансляции знаний и применения их на практике. Таким образом, знания о юридической действительности были в принципе всегда (по крайней мере, с той поры, как эта действительность сформировалась), а вот юридическая наука — образование достаточно позднее». См.: *Честнов И.Л.* История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение: Учеб. пособие. СПб., 2009. С. 31.

²⁴ В связи с этим в одном из фундаментальных учебных курсов по конституционному праву довольно точно отмечено, что применительно к советскому периоду правильнее говорить о «литературе в области конституционного права», а не о юридической науке. См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учеб. для вузов / Рук. авт. кол. и отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М., 2007. С. 54, 70.

возникновения. Во-вторых, можно довольно уверенно утверждать, что возникновение науки конституционного права не одномоментное действие, а процесс, который растягивается на многие годы, охватывает жизнь и творческую деятельность не одного поколения юристов. В этом смысле, возможно, более корректно говорить не о возникновении, а о становлении российской науки конституционного права, подчеркивая длящийся характер развития.

В немногочисленных специальных трудах, в которых рассматриваются вопросы исторического развития науки конституционного права, ее формирование обычно датируется второй половиной XIX — началом XX в. В дореволюционный период В.М. Гессен связывал становление догматической науки государственного права, отечеством которой является Германия, «с окончательным торжеством конституционного строя, во второй половине XIX в.»²⁵ Советский государствовед И.Д. Левин писал, что «буржуазная» наука государственного права возникла в XIX в. «с ее многочисленными школами и доктринами», оформилась же по существу «как самостоятельная отрасль буржуазной науки права лишь во второй половине XIX в., а периодом ее расцвета можно считать последнюю четверть XIX и начало XX в.»²⁶ В.А. Туманов вторит ему: «Наука государственного права сложилась как самостоятельная научная дисциплина в условиях буржуазного строя примерно в середине XIX в. Во весь голос она заявила о себе в последней четверти XIX в. и на рубеже нового, XX в.»²⁷

Примерно к тому же периоду исследователи относят и возникновение науки конституционного права в России. А.С. Автономов пишет о рубеже XIX и XX в.²⁸, Н.А. Богданова немного сдвигает временные рамки, связывая становление науки с курсами в Московском университете и трудами Б.Н. Чичерина и Ф.М. Дмитриева, т.е. с 60-ми гг. XIX в.²⁹ Несколько противоречивую позицию занимает А.Б. Дидикин³⁰, который, с одной стороны, говорит о становлении науки конституционного права в России в начале XIX в., с другой — несколькими страницами позже относит генезис данной науки уже ко второй половине XIX — началу XX в.

Известный дореволюционный конституционалист С.А. Корф относил возникновение русской науки государственного права к середине XIX в.: «В отличие от западной русская наука государственного права еще очень молода; только в сере-

²⁵ Гессен В.М. Общее учение о государстве. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском Политехническом институте. СПб., 1913. С. 34.

²⁶ Левин И.Д. Указ. соч. С. 23, 34.

²⁷ Современное буржуазное государственное право. С. 5. В недавнем переиздании см.: Туманов В.А. Избранное. М., 2010. С. 420.

²⁸ См.: Автономов А.С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М., 1999. С. 50–52.

²⁹ См.: Богданова Н.А. Истоки и становление государственного права как науки и учебной дисциплины: вклад ученых и профессоров Московского университета // Конституционное (государственное) право в Московском университете / Отв. ред. Н.А. Богданова. М., 2005. С. 18. Позиция Н.А. Богдановой аналогична мнению представителя дореволюционной профессуры В.В. Сокольского, который писал: «Начиная с 60-х годов, появляется целый ряд изложений русского государственного права с научным характером». См.: Сокольский В.В. Русское государственное право. Одесса, 1890. С. 60.

³⁰ См.: Дидикин А.Б. Становление и развитие конституционного права. С. 7, 15. В другой своей работе автор относит возникновение науки государственного права все-таки к первой половине XIX в. См.: Дидикин А.Б. История конституционализма в России. С. 35.

дине XIX в. находим мы начало ее самостоятельности и окончательное выделение в качестве особой дисциплины из общего правоведения»³¹.

Куприц Н.Я., назвав свой труд «Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России», видимо, не хотел выносить на суд широкой публики упоминание о дореволюционной науке государственного права. Хотя, как отмечает Н.А. Богданова, в рамках курса, посвященного истории науки советского государственного права, выделяется тема «Из истории русской дореволюционной науки государственного права»³². Видимо, это обусловлено тем, что сложно было говорить о наличии науки государственного права на всем протяжении XIX века. Кроме того, таким образом обходился молчанием тяжелый для того времени вопрос о преемственности государственно-правовой мысли³³.

Богданова Н.А. среди препятствий формирования науки государственного права в России отмечает отсутствие «сложившейся отрасли позитивного права, которая регулировала бы вопросы власти, правового положения сословий, взаимоотношения верховной власти и подданных», наличие самой самодержавной власти. Как следствие, «в период своего становления государственно-правовое знание складывалось из комментариев весьма бедных по содержанию... Зарождавшейся науке об устройстве государства и положении в нем подданных оставалось либо прирастать за счет вводимых с известной осторожностью в научный оборот сведений о зарубежных правовых нормах и идеях, либо развивать историческое, абстрактно-теоретическое направление, оторванное от позитивного права, но важное для его создания»³⁴. Как образно писал В.М. Гессен, «до тех пор пока монарх может сказать о себе «государство — это я», науке государственного права нет и не может быть места»³⁵.

Корф С.А. в связи с этим отмечал: «Главными причинами такого позднего обособления госуд. права были, во-первых, общая слабая разработанность науки правоведения, во-вторых, политическое давление и цензурные условия, лишавшие исследователей русской государственности необходимой им свободы научной работы, а в-третьих, недостаточное, в начале XIX в., развитие русской культуры и тогдашнего умственного уровня русского общества»³⁶.

Ситуация в российском правоведении XVIII — начала XIX в. характеризуется почти полным отсутствием научной систематизации правовых знаний. Н.Я. Куприц характеризовал этот период как господство школы «законискусников» — практических знатоков законодательства³⁷. Аналогичной позиции придерживается

³¹ Корф С.А. Русское государственное право. СПб., 1915. С. 7.

³² См.: Богданова Н.А. Николай Яковлевич Куприц // Конституционное (государственное) право в Московском университете. С. 178.

³³ Н.А. Богданова, в частности, считает, что сложный вопрос о преемственности стал одной из причин того, что Н.Я. Куприц предпочел вынести на защиту в качестве докторской диссертации работу, посвященную истории науки советского государственного права, а не дореволюционной науке государственного права. См.: Богданова Н.А. Николай Яковлевич Куприц // Конституционное (государственное) право в Московском университете. С. 177.

³⁴ Богданова Н.А. Истоки и становление государственного права... С. 9—10.

³⁵ Гессен В.М. Очерки истории науки государственного права С. 206. Это суждение любят цитировать исследователи. См.: Автономов А.С. Указ. соч. С. 50—52; Богданова Н.А. Истоки и становление государственного права... С. 10; Туманов В.А. Избранное. С. 420.

³⁶ Корф С.А. Указ. соч. С. 7.

³⁷ См.: Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли... С. 13.

В.А. Томсинов, по мнению которого юриспруденция в Российской империи до середины XVIII в. носила исключительно прикладной («дьяческий») характер, и кардинально это положение не изменилось к первой трети XIX в.: «Процесс формирования отечественного научного правоведения, начавшийся с середины XVIII в., не завершился к началу XIX в. В России не появилось достаточного числа ученых-правоведов, способных обеспечить теоретическую подготовку широкого слоя профессиональных юристов. Но самое главное, что и сама национальная юридическая наука не смогла выйти из зародышевого состояния»³⁸.

Ситуация 30–50-х гг. XIX в. описывается В.А. Томсиновым в более оптимистическом духе, он видит серьезные подвижки в становлении юридической науки, говоря, что «русское правоведение середины столетия отличалось от правоведения начала его примерно в той же степени, в какой русская литература Пушкина и Гоголя отличалась от литературы Фонвизина и Державина»³⁹. Однако было бы неверным, на наш взгляд, распространять это утверждение и на науку государственного права.

Сам В.А. Томсинов в основном описывает развитие изучения и преподавания римского права, истории русского права и т.д., почти не упоминая науку государственного права. Можно согласиться с критическим суждением Н.Я. Куприца о развитии государственно-правовой науки того времени: «Университетская государственно-правовая наука тех лет характеризуется апологетикой самодержавия в сочетании с догматическими описаниями существующей государственной системы... Изложение действующего законодательства даже без комментариев характерно для преподавания государственно-правовых (и вообще правовых дисциплин) и в других (помимо Московского. — А.Л.) университетах Российской империи той эпохи»⁴⁰.

Характерным примером подобного некритического описательного подхода может служить работа К. Дюгамеля⁴¹. Уже в предисловии отмечается, что «исполнительский труд» — Свод законов Российской империи — «слишком пространен, чтобы быть приурочен к нуждам учащегося юношества», поэтому недостает «краткого... руководства к познанию главных действующих у нас Государственных Постановлений», и «сей недостаток» автор и пытается исправить⁴².

Иную позицию отстаивает А.Б. Дидикин, который видит рождение российской науки государственного права в первой половине XIX в. По его мнению, уже на ру-

³⁸ Томсинов В.А. Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. Власть и культура. М., 2000. С. 113, 114, 120, 121.

³⁹ Там же. С. 138.

⁴⁰ Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли... С. 58, 70.

⁴¹ Касательно работы К. Дюгамеля профессор О. Эйхельман отмечал: «По условиям времени, Д. воздержался от критич. замечаний на содержание излагаемых законоположений. Да они и не требовались от юридич. системы. Как ученик историч. школы права, Д. иллюстрирует действующую догму историч. замечаниями». См.: Эйхельман О. Очерки из лекций по русскому государственному праву. Киев, 1893. С. 25. Уже упоминавшийся В.В. Сокольский называл работу Дюгамеля «бесцветной». См.: Сокольский В.В. Указ. соч. С. 59.

⁴² См.: Дюгамель К. Опыт государственного права Российской империи. СПб., 1833. С. I, II. В то же время следует отметить, что другой вышедший в те годы труд — работа М.П. Клобуцкого «Исследование главных положений основных законов Российской империи в историческом их развитии» (1839), — по мнению В.А. Томсинова, носил более научный характер, чем работа К. Дюгамеля. См.: Томсинов В.А. Юридическое образование... С. 255–258.

беже XVIII — XIX вв. происходит формирование научных представлений об объекте и предмете конституционно-правового регулирования; отечественные политические деятели вносят существенные изменения в содержание принципов конституционализма, таких как принцип верховенства конституции, принцип приоритета прав человека, принцип разделения властей, принцип федерализма⁴³. А.Б. Дидикин также отмечает разработку понятийного аппарата науки и методов научного познания⁴⁴. Нам все-таки представляется, что наличие разработок государственно-правового характера в работах А.Н. Радищева, М.М. Сперанского, Н.М. Муравьева и даже выделяющегося из общего ряда А.П. Куницына не свидетельствует о возникновении науки конституционного права. Для этого необходимо стечение целого ряда факторов.

Завершение царствования императора Николая I, получившее название «мрачное семилетие», ознаменовалось наступлением, среди прочего, и на университеты как источники вольнодумства. В частности, это вылилось в исключение преподавания иностранного государственного права из университетских учебных курсов⁴⁵, а еще раньше — в 1835 г. — по высочайшему соизволению из университетской программы был исключен в качестве самостоятельного курса естественного права, видимо из-за опасения, что он способен возбудить разного рода дерзновенные мечтания и поколебать устои российской государственности⁴⁶.

В целом необходимо отметить, что, несмотря на отдельные заметные фамилии (например, С.Е. Десницкий и А.П. Куницын), говорить о государственном праве как о науке ранее 60-х гг. XIX в. не приходится. В то же время полвека царствования императоров Александра I и Николая I оказало влияние на будущее формирование науки государственного права в России. Прежде всего, следует отметить развитие высшего образования — учреждение ряда университетов и Императорского училища правоведения⁴⁷. Основание Императорского училища правоведения было большим шагом на пути профессионализации юридического знания, что является важной предпосылкой для его последующего научного осмысления. Р.С. Уортман отмечает: «До царствования Николая I обучение юриспруденции предполагало лишь умение копировать бумаги и знание канцелярских формальностей»⁴⁸.

Сложно однозначно оценить вклад систематизации российского законодательства, проведенной под руководством М.М. Сперанского, в развитие науки государственного права. С одной стороны, становление законодательного регулирования может рассматриваться в качестве предпосылки развития конституционно-правовой науки. С другой стороны, как отмечает Р. Кабриак, «годы, следующие за

⁴³ См.: Дидикин А.Б. История конституционализма в России. С. 36, 37.

⁴⁴ См.: Там же. С. 40.

⁴⁵ См.: Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли... С. 69. См. также: Кресин А.В. Опыт и проблемы преподавания сравнительного правоведения и сравнительного конституционного права в Украине // Конституционное право и конституционная компаративистика в системе российского юридического образования: Сб. докладов. М., 2009. С. 174.

⁴⁶ См.: Томсинов В.А. Юридическое образование... С. 49–54.

⁴⁷ См.: Томсинов В.А. Правовая культура. С. 122–123.

⁴⁸ Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Пер. с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьяновой. М., 2004. С. 12. Ср. с высказыванием В.М. Гессена: «место государственного права занимает «наука» о писании деловых бумаг и, вообще, об обрядностях канцелярского делопроизводства». См.: Гессен В.М. Общее учение о государстве. С. 38, 39.

принятием какого-либо кодекса, небогаты на реформы, как будто кодификация опустошает всю законодательную энергию»⁴⁹. Кабриак назвал данное явление «эффект кристаллизации», отметив, правда, что он «в меньшей мере присущ кодификациям — компиляциям»⁵⁰.

Действительно, в условиях осуществленной систематизации законодательства ученые вместо развития собственно теоретической составляющей науки начинают заниматься *комментированием* этого законодательства (как это заметно в наши дни!)⁵¹. А если к этому прибавить цензурные ограничения, то ситуация для развития науки государственного права становится безрадостной. Важно отметить, что негативный характер издания Свода законов вкуче с притеснением свободы научного поиска был отмечен и дореволюционными государствоведами. А.С. Алексеев писал: «Стали ограничиваться компиляцией и перестановкой статей Свода, не возводя их к общим началам и научным постановлениям... Тормозом для успешного развития русского государственного права было, однако, не только издание Свода, но и те неблагоприятные условия, которые наступали в течение второй четверти настоящего столетия (XIX в. — А.Л.) для развития научной деятельности вообще и разработки государственных наук в особенности. Они и привели к полному упадку русского государственного права»⁵².

В связи с этим вряд ли можно согласиться с суждениями В.А. Томсинова, что вследствие издания «Полного собрания» и «Свода законов» Российской империи характер русской научной юриспруденции неизбежно должен был решительно измениться и, как следствие, было положено начало формированию науки государственного права в России⁵³. Также мы не считаем, что формирование государственного права как отраслевой юридической дисциплины и учебного курса было окончательно закреплено университетским уставом 1835 г., в котором предполагалось изучение российских государственных законов⁵⁴.

Царствование императора Александра II стало **ключевым моментом для развития науки государственного права**. Среди причин, способствовавших этому, следует указать поворот России в сторону правовой государственности. Однако неверно было бы связывать реформы Александра II и **возникновение науки государствен-**

⁴⁹ Кабриак Р. Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головки. М., 2007. С. 154.

⁵⁰ Там же. С. 155.

⁵¹ А.Г. Карапетов применительно к французской цивилистической науке XIX в. (после издания Кодекса Наполеона) пишет: «Ученые перестали замечать реальность. Их зрение оказалось затуманено авторитетом кодекса и доктриной разделения властей. В науке стал доминировать жесткий позитивизм в самой примитивной его форме... Все усилия ученых были брошены, чтобы понять и разъяснить смысл, заложенный в кодексе». См.: Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011. С. 10–65. См. также: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1996. С. 50, 51 (§ 49).

⁵² Алексеев А.С. Русское государственное право. Программа. Конспект лекций. Изд. 3-е, студента Н. Ивашенко. М., 1895. С. 155. Профессор О. Эйхельман занимает несколько иную позицию: «Задача изложения научной системы русс. госуд. права была через эту кодификацию облегчена и упрощена». Но сразу он делает важное уточнение, признавая, что в сложных цензурных условиях лишь «историко-догматическая метода... могла быть обставлена с полной роскошью». Эйхельман О. Указ. соч. С. 25.

⁵³ См.: Томсинов В.А. Юридическое образование... С. 16, 253.

⁵⁴ См.: Дидикин А.Б. История конституционализма в России. С. 43.

ного права с юридическим ограничением самодержавной власти — этого как раз и не произошло. В силу чего научная разработка проблем конституционного права не означала перехода к конституционному правлению. «“Рождение” российского публичного (но не конституционного. — *А.Л.*) права происходит в XIX веке»⁵⁵, справедливо пишет Ю.А. Тихомиров. Ю.В. Пуздрач в своем капитальном труде связывает правление Александра II с **формированием реальных предпосылок конституционного развития**, но исходным пунктом считает события 1905 г.⁵⁶ Но отсутствие правовых ограничений власти монарха не отменяет того факта, что именно в ходе реформ Александра II в России внедрялись важные институты правовой государственности. Особо следует отметить смягчение цензурного гнета и расширение автономии университетов, что способствовало возникновению *форума для свободной дискуссии о конституционно-правовом развитии* (пусть не всегда самой России, но хотя бы зарубежных государств)⁵⁷.

Среди условий возникновения науки государственного права, названных нами выше, следует также выделить развитие сети научных коммуникаций и в некотором смысле институционализацию конституционно-правового знания. Можно отметить несколько проявлений такого развития.

Во-первых, именно во второй половине XIX в. **появляется целый ряд юридических периодических изданий** (журналы, газеты, вестники и т.д.)⁵⁸.

Во-вторых, в отличие от Университетского устава 1835 г. Университетский устав 1863 г. предусматривал создание кафедры государственного права, где читались такие курсы, как теория государственного права, государственное право важнейших иностранных государств, русское государственное право⁵⁹. На значение обособленного преподавания конституционно-правовых дисциплин для развития науки конституционного права обращает внимание А. фон Богданди: «В странах, где академическая программа включает курсы сравнительного конституционного права, последнее разработано намного лучше, чем в странах, где таких курсов нет. Институционализация определенной области права как предмета преподавания ведет к тому, что профессора уделяют больше внимания учебной литературе, что потенциально ведет к появлению некоторого фундаментального текста по дисциплине в форме объемного трактата»⁶⁰.

⁵⁵ Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: Монографический учебник. М., 2008. С. 21.

⁵⁶ См.: Пуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX–XX веков. М., 2004. С. 401, 433.

⁵⁷ Б.Н. Чичерин в своей записке «Задачи нового царствования» отмечал: «Свобода необходима для научных исследований — без этого нет умственного развития». Цит. по: Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 188. В.М. Гессен также писал, что «отрицательное отношение подозрительного и нетерпимого абсолютизма к обсуждению в печати и с кафедры вопросов государственного права» было одним из препятствий на пути разработки догматического направления в западноевропейской науке государственного права. См.: Гессен В.М. О науке права // Введение в изучение социальных наук: Сб. ст. / Под ред. проф. Н.И. Кареева. СПб., 1903. С. 120.

⁵⁸ См. подр.: Томсинов В.А. Правовая культура. С. 140.

⁵⁹ См.: Там же. С. 128, 142; Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. М., 2006. С. III, IV.

⁶⁰ Богданди А. фон. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные проблемы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1(74). С. 57.

В-третьих, в 1860–1880-е гг. выходит целый ряд работ, посвященных государственно-правовой проблематике, в том числе и первые полноценные учебники по русскому государственному праву и государственному праву зарубежных государств, среди которых особенно выделяются труды Б.Н. Чичерина и А.Д. Градовского⁶¹. Автор, по-видимому, первого учебника русского государственного права И. Андреевский по этому поводу писал, что «у нас таких учебников Русского Государственного права вовсе нет... в этом случае нет опыта, нет руководителя, нет возможности, исправляя ошибки предшественника, учиться у него и идти вперед. Это самое дает вместе с тем некоторое право на снисходительный суд к первому опыту Русского Государственного права»⁶². Особо следует отметить фундаментальный трехтомный курс А.Д. Градовского «Начала русского государственного права». Как писал Н.М. Коркунов, «автор ставит вопрос нашего государственного устройства государственного управления на ту почву, на какую ставит их современное состояние юридической науки на Западе... Он первый в своей книге, не ограничиваясь историческим разъяснением отдельных институтов, дал им теоретическое юридическое освещение, осмыслил их как *юридические* институты, а не только как исторические факты вообще»⁶³.

В-четвертых, отечественные ученые-конституционалисты стали воспринимать свое поле деятельности как специальное направление научных исследований, т.е. произошла в некотором смысле их самоидентификация. В качестве подтверждения можно указать на появление в учебных курсах конца XIX — начала XX в. специальных параграфов, посвященных науке государственного права, в том числе и

⁶¹ См.: Андреевский И.Е. Русское государственное право. М., 1866; Лохвицкий А. Обзор современных конституций. Ч. 1 и 2. СПб., 1865; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866; *Его же*. История политических учений. Ч. 1–4. М., 1869, 1872, 1874, 1877 (последняя пятая часть вышла в 1902 г.); *Его же*. Собственность и государство. Ч. 1 и 2. М., 1882, 1883; Сергеевич В.И. Русское государственное право. Конспект лекций М., 1868/9; *Его же*. Задача и метода государственных наук М., 1871; Градовский А.Д. История местного самоуправления в России. Т. I. СПб., 1868; *Его же*. Начала русского государственного права. Т. I–III. СПб., 1875, 1876, 1883; *Его же*. Германская конституция. Части 1 и 2. СПб., 1875, 1876; *Его же*. Государственное право важнейших европейских держав. Т. 1. СПб., 1886 и др.

Несколько особняком стоят, на наш взгляд, труды А.В. Романовича-Славатинского: «Пособие по изучению русского государственного права по методу историко-догматическому» (Вып. 1, 2. Киев, 1872), позднее переработанное в труд «Система русского государственного права в ее историко-догматическом развитии. Ч. 1. Основные государственные законы» (Киев, 1886). Придерживаясь указанного в названиях работ метода, автор отмечал, что «в изучение отечественных учреждений мы не внесем ни общих, отвлеченных требований теоретического государства, ни соображений, выведенных единственно из сравнения наших учреждений с иноземными». См.: Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права... С. 8. Сомнительно, чтобы такой подход отвечал запросам того времени и представлял для нынешней конституционно-правовой науки интерес. Как в начале XX в. писал об этих работах Романовича-Славатинского С.А. Корф, «оба курса потеряли ныне всякое научное значение». См.: Корф С.А. Указ. соч. С. 11.

⁶² Андреевский И.Е. Указ. соч. С. II. Как пишет А.С. Алексеев, «если в первую половину текущего столетия появились лишь два, три тщедушных учебника по русскому государственному праву, то начиная с первых лет царствования Александра II... у нас народилась сравнительно богатая политическая литература». См.: Алексеев А.С. Указ. соч. С. 162.

⁶³ Цит. по: Краткий очерк жизни и творчества А.Д. Градовского, с приложением четырех статей А.Д. Градовского. СПб., 1904. С. XXIX. Очерк подписан «А.Ш.». Как указывает Ю.В. Брояка, автор очерка — А.А. Шахматов. См.: Брояка Ю.В. Политико-правовые воззрения А.Д. Градовского: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 4.

отечественной науке государственного права⁶⁴. Следует также отметить, что во второй половине XIX в. выходит в переводе на русский язык ряд работ иностранных авторов, посвященных в той или иной мере конституционно-правовой проблематике⁶⁵. Конечно, для университетских профессоров, свободно владевших, как минимум, одним, а чаще двумя и более иностранными языками, непосредственно для развития науки государственного права это не играло такой уж большой роли. Скорее, эти работы предназначались для читающей публики. Но даже изданные для этих целей, они, на наш взгляд, способствовали популяризации государственно-правового знания и конституционного опыта зарубежных государств, а также, возможно, привлечению новых кадров в науку государственного права.

4. Выводы

Во-первых, можно отметить, что отсутствие конституционно-правовых границ властвования в соответствующей стране не означает, что в ней нет места конституционно-правовой науке, равно как наличие писаной конституции не гарантирует, что такая наука существует. Это однако не отменяет того факта, что поворот того или иного общества в сторону правового развития делает актуальными конституционно-правовые исследования. С этих позиций, на наш взгляд, российская наука конституционного права включает общую компоненту, ориентированную на универсальные способы ограничения публичной власти и обеспечения прав человека, и национальную компоненту, в рамках которой (через призму общей компоненты) происходит анализ российской конституционной модели и практики ее реализации.

Во-вторых, для развития науки нужна определенная сеть научных коммуникаций, институты накопления и передачи знания (университеты, научные общества, журналы и прочие элементы профессионализации юридического знания), а также необходимо наличие определенного числа юристов-исследователей (формирование профессиональной корпорации), что, в свою очередь, во многом обусловлено развитием юридического образования. Одновременно важнейшей предпосылкой для становления юридической науки в целом (и науки государственного права в частности) является автономия научного сообщества от политической власти, которая обуславливает возможность ведения свободной дискуссии о конституционно-правовом развитии.

⁶⁴ См.: Корф С.А. Указ. соч. С. 1–13; Гессен В.М. Общее учение о государстве. С. 38–42; Алексеев А.С. Указ. соч. С. 7–9; Кокошкин Ф.Ф. Лекции по государственному праву. М., 1912. С. 163, 164; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1910. С. 1–4; Эйхельман О. Указ. соч. С. 19–30.

⁶⁵ См.: Моль Р. Энциклопедия государственных наук. М., 1866; Блюнчли И. Общее государственное право. М., 1866; Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. СПб., 1891; Афвольтер А. Основные черты общего государственного права. Казань, 1895; Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1897 (первый перевод на русский язык был осуществлен в Киеве в 1861 г.). См.: Эткин А. Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // Знамя. 1999. № 6. Цит. по: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/6/etkin.html> (дата обращения: 1 апреля 2011 г.); Эсмен А. Основные начала государственного права. М., 1898 (примечательно, что в этом же году в Петербурге был издан другой перевод данной книги под редакцией В. Дерюжинского с названием «Общие основания конституционного права»).

В-третьих, в российском обществе условия для возникновения национальной науки государственного права сложились не ранее 60–70-х гг. XIX в. Отечественная конституционно-правовая наука вышла на авансцену во второй половине XIX в. (Б.Н. Чичерин, И.Е. Андреевский, В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский) и XX век встретила как самостоятельная научная и учебная дисциплина. События 1905 г. дали новый толчок развитию государственно-правовой науки, появлению оригинальных работ не только учебного, но и собственно монографического плана. Однако жить этой науке оставалось считанные годы.